

УДК 821.161.1

DOI 10.30914/2072-6783-2024-18-2-229-239

КУЛЬТ ФОМЫ ФОМИЧА ОПИСКИНА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ»

Т. С. Карпачева

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Современные ученые уже неоднократно обращали внимание на то, что в художественном наследии Ф. М. Достоевского предвосхищаются открытия в самых различных областях знаний: психологии, психиатрии, юриспруденции, социологии и т. д. Художественные «открытия» Достоевского простираются и на такую малоизученную до сих пор область знаний, как сектоведение (знание о культах). **Целью исследования** является рассмотрение признаков культовой зависимости в «Селе Степанчикове и его обитателях», а также природы власти Фомы Опискина и способов установления его культа. **Материалом исследования** является роман Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели». В качестве основного **метода исследования** выбран междисциплинарный подход, позволяющий обращаться к исследованиям не только в области филологии, но и иных областях научного знания, а также используются культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный методы. **Результаты исследования.** На основе проанализированных источников и соотношения их с романом Достоевского делается вывод о том, что в «Селе Степанчикове...» в точности изображены признаки секты, идентифицируемой как «малый персональный культ», а также верно «предугаданы» способы манипулирования религиозными и иными чувствами для формирования культовой зависимости, которые выделены и систематизированы учеными лишь в наши дни. Для того чтобы удержать дом полковника Ростанева в своей власти, Фома использует такие приемы манипулирования, как отказ от прошлого, воздействие на религиозные чувства, внушение чувства вины, регламентация внешнего вида. **Заключение.** Рассмотрев тему культа и культовой аддикции (зависимости) в «Селе Степанчикове...», можно прийти к выводу об антропологическом открытии Достоевского, сделанном в этом романе: жертвой секты и сектантского лидера может стать кто угодно, и ни богатство, ни бедность, ни счастье, ни несчастье, ни наличие или отсутствие семьи не могут от этого предостеречь.

Ключевые слова: Достоевский, «Село Степанчиково и его обитатели», секта, культ, малый персональный культ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Карпачева Т. С. Культ Фомы Фомича Опискина в романе Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 2. С. 229–239. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-2-229-239>

THE CULT OF FOMA FOMICH OPISKIN IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE VILLAGE OF STEPANCHIKOVO AND ITS INHABITANTS"

T. S. Karpacheva

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. Modern scientists have repeatedly drawn attention to the fact that in the artistic heritage of F. M. Dostoevsky anticipates discoveries in various fields of knowledge: psychology, psychiatry, law, sociology, and so on. Dostoevsky's artistic "discoveries" also extend to such a hitherto little-studied area of knowledge as sectology (knowledge about cults). **The purpose** of the study is to consider the signs of cult dependence in "The village of Stepanchikovo and its inhabitants", as well as the nature of the power of Foma Opiskin and the methods of establishing his cult. **The research material** is the novel by F. M. Dostoevsky "The village of Stepanchikovo and its inhabitants". An interdisciplinary approach was chosen as the main **research method**, allowing one to apply to research not only in the field of philology, but also in other areas of scientific knowledge, and cultural-historical and comparative methods were also used. **Research results.** Based on the analyzed sources and their correlation with Dostoevsky's novel, it is concluded that in "The village of Stepanchikovo..." the signs of a sect identified as a "small personal cult" are accurately depicted, as well as the ways of manipulating religious and other feelings for the formation of cult dependence are correctly "predicted", which are highlighted and

systematized by scientists only in our days. In order to keep Colonel Rostanev's house in his power, Foma uses such manipulation techniques as abandoning the past, influencing religious feelings, instilling feelings of guilt, and regulating appearance. **Conclusion.** Having examined the theme of the cult and cult addiction (dependence) in “The village of Stepanchikovo...”, we can come to the conclusion about the anthropological discovery of Dostoevsky made in this novel: anyone can become a victim of a sect and a sectarian leader, and neither wealth, nor poverty, nor happiness, neither misfortune, nor the presence or absence of a family can prevent this.

Keywords: Dostoevsky, “The village of Stepanchikovo and its inhabitants”, sect, cult, small personal cult

The author declares no conflict of interest.

For citation: *Karpacheva T. S.* The cult of Foma Fomich Opiskin in F. M. Dostoevsky’s novel “The village of Stepanchikovo and its inhabitants”. *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 2, pp. 229–239. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-2-229-239>

Введение

Современная наука в целом характеризуется ростом интереса к междисциплинарности. Междисциплинарные методы исследования позволяют шире взглянуть на изучаемый предмет, увидеть его с разных сторон. Так и в филологической науке при анализе идейного содержания и проблематики произведения представляется целесообразным использование достижений в других областях научного знания: психологии, социологии, религиоведении, юриспруденции и др.

В достоевковедении уже стало неоспоримым фактом, что в художественном наследии писателя предвосхищаются открытия в самых различных областях знаний: психологии, психиатрии, юриспруденции, социологии и т. д. Так, А. Ф. Кони отмечал огромную роль творчества Достоевского для становления российской юридической науки [1]. Профессиональный интерес юристов к творчеству писателя прослеживается на протяжении всего XX в. [2; 3] и на современном этапе развития науки.

Учеными-психиатрами также еще с конца XIX в. неоднократно отмечалась роль художественных открытий Достоевского для медицинской науки [4; 5]. Целый ряд заболеваний, еще не описанных в медицине в середине XIX в., нашел точное и детальное отображение в творчестве писателя. Так, психиатр В. Ф. Чиж в иллюстрации писателем душевных болезней видит «верность и точность описания, достойные лучшего естествоиспытателя» [4, с. 4], и отмечает, что произведения писателя для врача-психиатра имеют «дидактическое значение», так как «многое, <...> если не все известное в психиатрии можно изучить в произведениях Достоевского» [4, с. 5]. Среди современных ученых-психиатров

также наблюдается стойкий интерес к творчеству писателя [6; 7]. Так, Н. Н. Богданов, убедительно доказывая художественно воспроизведенные Достоевским проявления шизофрении в поведении Николая Ставрогина, отмечает, что целый ряд из них: застывшая мимика, неразличение омонимов и др. – были описаны в медицине лишь в начале XX в., и делает вывод о том, что Достоевский в своих антропологических открытиях намного опередил науку [6, с. 29].

Художественные «открытия» Достоевского простираются и на такую малоизученную до сих пор область знаний, как сектоведение (знание о культах) (подробнее об этом см.: [8]). Сектоведение как область знаний сложно отнести к одной отрасли науки. «Культовой» тематике посвящены научные работы в самых различных сферах: в юриспруденции [напр.: 9; 10; 11; 12 и др.], в психологии и психиатрии [13; 14]; в теологии и религиоведении¹ [15] и др.

Термин «секта» происходит от латинского слова «secta» («школа, партия, учение») и имеет две возможные этимологии: данное слово может происходить либо от латинского слова «secare» – «резать, отсекать» (часть от целого), либо от латинского же «sequor» – «следовать» (за кем-либо)². В настоящее время широкое употребление получило понятие «тоталитарной секты» как «авторитарной организации, главный смысл существования которой – власть и деньги для руководства и ближайшего окружения, с пятью характерными признаками: обман при вербовке, манипуляция сознанием своих членов, регламентация всех

¹ Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты: учеб. пособие: в 2 кн. 4 изд., дополн. и перераб. М.: Изд-во ПСТГУ, 2024.

² См. об этом, напр.: Там же. Кн. I. С. 59–60.

аспектов их жизни, эксплуатация своих членов и обожествление / абсолютизация лидера и / или самой организации»¹. Феномен секты, ограниченной «семейным кругом» (по аналогии с сюжетом «Гартюфа» Мольера), в наши дни некоторые исследователи называют «малым персональным культом»². Следует предположить, что в комическом романе Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» в точности изображены признаки секты, идентифицируемой как «малый персональный культ», а также верно «угаданы» способы манипулирования религиозным чувством для формирования культовой зависимости, которые выделены и систематизированы учеными лишь в наши дни.

Целью исследования является рассмотрение признаков культовой зависимости в «Селе Степанчикове и его обитателях», а также природы власти Фомы Фомича и методов установления его культа.

Материалы и методы

Материалом исследования является комический роман Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели». В работе используется междисциплинарный подход, позволяющий обращаться к исследованиям не только в области филологии, но и иных областях научного знания, а также культурно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы исследования.

Результаты исследования, обсуждения

В исследовательской литературе еще с начала XX в. укрепилось понимание образа Фомы Опискина как пародии. После известного предположения, сделанного Ю. Н. Тыняновым, о том, что в «Селе Степанчикове...» спародирован Гоголь [16, с. 27–48], литературоведческая наука обогатилась целым рядом идей об объекте пародии в этом произведении: Н. В. Кукольник [17, с. 205]; Рудин и образ «человека сороковых годов» [18, с. 161–162]; Обломов, Печорин, Чацкий, Хлестаков, а также отчасти и самопароди-

рование [19, с. 31]; Петрашевский, петрашевцы и социалисты [20, с. 13–68] и др. Однако сразу после выхода статьи Тынянова были высказаны сомнения относительно личности Гоголя как объекта пародирования. Так, не согласен с мыслью Тынянова был В. В. Виноградов и считал его наблюдения лишь «попыткой» «увидеть пародирование стиля “Переписки с друзьями” в речах Фомы Опискина» [21, с. 239]. И до сих пор ученые продолжают сомневаться в предположении Тынянова. «Слишком серьезен и значителен Гоголь, чтобы быть реальным прототипом бездарного литератора Опискина», – отмечает В. Н. Захаров, допуская, однако, что Достоевским «пародировались отдельные фразы из Гоголя, предъявлялись претензии к его житейской “позе”» [22, с. 750]. По мысли М. М. Бахтина, «Село Степанчиково...» построено на приеме карнавализации, «насыщено пародиями и полупародиями» [23, с. 247], однако карнавализация и пародия не самоцель автора. «Карнавальная корона», в которого превращается шут-приживальщик, становится «в усадьбе полковника Ростанева *неограниченным деспотом*» (курсив авт. – Т. К.), «поэтому вся жизнь в селе Степанчикове приобретает ярко выраженный карнавальную характер. Это жизнь, вышедшая из своей нормальной колеи, почти “мир наизнанку”» [23, с. 246].

Не утрачивает актуальности в литературоведческой науке понимание образа Фомы как «русского Гартюфа» [см., напр.: 24, с. 17–20; 25, с. 303; 26, с. 68–69; 27, с. 208 и др.]. Однако характер Фомы, безусловно, является новаторством в литературе и Гартюфа напоминает лишь отчасти. На художественное новаторство романа, которое в полной мере можно считать психологическим или даже антропологическим открытием, указывал сам автор в письме к брату: «два огромных типических характера, *создаваемых и записываемых*» (курсив авт. – Т. К.), пять лет, обделанных безукоризненно (по моему мнению), – характеров вполне русских и плохо до сих пор указанных русской литературой»³. Безусловно, эти два характера – Фома Опискин и Ростанев – интересны сами

¹ Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты : учеб. пособие : в 2 кн. 4 изд., дополн. и перераб. М. : Изд-во ПСТГУ, 2024. Кн. I. С. 62.

² См.: Хассен С. Освобождение от психологического насилия. Перевод: Евгений Волков, психолог, переводчик, доцент Нижегородского университета. URL: Малый персональный культ - стр. 22 (textarchive.ru) (дата обращения: 05.04.2024).

³ Достоевский Ф. М. Письмо брату Достоевскому М. М. от 9.05.1859 // Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 30 т. М.–Л. : Наука, 1972–1990. Т. XXVIII. I. С. 326. Далее ссылки на сочинения Ф. М. Достоевского даются по этому изданию в тексте в круглых скобках с указанием тома и страницы.

по себе как художественное новаторство писателя, а не как пародии на исторических лиц или литературных героев и не как рецепции известных образов мировой литературы (по крайней мере нельзя говорить исключительно о пародийном начале «Села Степанчикова...» и исключительно о рецепции образа Тартюфа в Фоме Опискине).

На видимое сходство, но смысловое различие с «Тартюфом» еще в 20-е гг. XX в. указывал М. П. Алексеев: «Динамике “Тартюфа” Достоевский следует почти буквально. Фома, подобно Тартюфу, завладевает домом Ростанева – Оргона» [24, с. 17], однако если мольеровская комедия заканчивается изгнанием Тартюфа и «решительным, хотя и внезапным, торжеством правосудия» [24, с. 19], то у Достоевского после позорного изгнания Фома снова возвращается и «воцаряется» в Степанчикове уже навсегда, хотя и несколько «смягчает» свое правление. По мысли М. Шевцовой, в сравнении с Тартюфом, который хочет «завладеть домом <...> в физическом смысле», Фома «претендует на дом как <...> на то, что вообще представляет человек и его мир»¹.

Отдельно следует сказать о том, что Достоевский намеренно отказывается от темы любовных притязаний приживальщика: в отличие от Тартюфа, влюбленного в жену хозяина, Фома совершенно чужд любовных мыслей: им движет идея власти «в чистом виде». Более того, даже деньги не так интересуют Фому, как власть и влияние, о чем свидетельствует эпизод, когда он, правда, очень осторожно, топчет ногами предложенные дядей пятнадцать тысяч. Для него важнее не деньги сами по себе, а тот эффект, который он произведет этим действием. Показательно, что сразу после этого эпизода Фома добивается от дяди «титула» «Вашего превосходительства». Фома наслаждается властью, а Тартюф стремится лишь к удовольствиям и к богатству. Достоевский, таким образом, показывает, что чувство власти, превосходства для культового лидера более значимо, чем просто обогащение. Интересно, что к этой мысли исследователи, занимающиеся изучением культов, пришли лишь в наши дни. Так, современный исследователь культов А. Л. Дворкин замечает, что

в первую очередь культовый лидер стремится к власти, а лишь во вторую – к обогащению².

Многие исследователи отмечают во власти Фомы своего рода религиозную, точнее квазирелигиозную, составляющую, то есть умение манипулировать религиозными чувствами. Так, В. Я. Кирпотин называет его «пророком» и «божком» усадьбы Ростанева [28, с. 528]. Продолжает тему рационально необъяснимой власти Фомы Е. А. Трофимов. Эпизод с «претензией» Фомы на празднование своих именин в Ильин день ученый рассматривает как попытку «узурпировать слово пророческое и праведное...» [29, с. 26]. Автор приходит к выводу о том, что Фома наделен характерными чертами «лжепророка», «идола», «кумира», «обольстителя», и возводит его к образу антихриста: «...в его образе выражены черты прелестника, которому поклонятся люди в последние времена» [29, с. 28].

Е. Г. Постникова справедливо отметит, что здесь Достоевский исследует «феномен “харизмы власти”, психологии харизматического лидера, тайны психологического превосходства и подчинения» [30, с. 123]. Интересно, что ученый использует термин «харизматический лидер», который в настоящее время применим именно к лидеру культа. Фактически здесь без названия самого явления сектантства указываются его характерные признаки: абсолютная власть «учителя»; его абсурдные распоряжения, которые никто даже не думает оспаривать; «свой» календарь; именование лидера, учителя «отцом» («матерью»). М. Шевцова в линии взаимоотношений Фомы и дяди видит яркую иллюстрацию темы мошенничества и мошенников, обманом втирающихся в доверие к простакам³, а мотив дома и собственности рассматривает как основной в романе. «Воцарение» Фомы, по мысли исследовательницы, меняет сам образ дома: «...дом не возвращается в то состояние, в котором он был до воцарения Фомы Фомича. <...> без Фомы Фомича события уже не могут происходить так, как они могли бы. Уже только Фома может их направить в правильное русло, без его

² См., напр.: Александр Дворкин: большая часть сект ушла с улицы и работает через соцсети // Аргументы и факты. 14.09.2015.

³ Шевцова М. Опискин и Остроумов: образ обыкновенного мошенника // Smart Power Journal – общественное онлайн-издание о политике и культуре. URL: <https://smartpowerjournal.ru/100116/> (дата обращения: 05.04.2024).

благословения Настя не вышла бы за полковника, и никакого счастливого конца не случилось бы...»¹. Однако с таким выводом сложно согласиться: в интерпретации исследовательницы Фома «вдруг делается необходимой частью дома и мира», и «это <...> меняет представление об обмане и обманщике»². Отношение к обману и обманщику, как представляется, в романе Достоевского, равно как и во всей русской литературе, не отличается от общечеловеческих нравственных норм, так что никакой «необходимости» в присутствии обманщика, или, как называет его автор, «обыкновенного мошенника», в доме Ростанева нет. Тем более с учетом весьма распространенного в науке понимания образа Фомы как «дьявола», «прелестника», «антихриста» [29, с. 28], а также образа, предвосхищающего Великого Инквизитора у Достоевского [18, с. 160], «необходимость» такого персонажа видится как апология зла.

Образ полковника Ростанева В. Я. Кирпотин предлагает понимать как «новую ступень в изображении столь излюбленного Достоевским типа “слабого сердца”» [28, с. 519]. Автор видит парадокс в том, что «слабым сердцем» обладает мужественный, храбрый человек, участник боевых действий и богатый помещик. Действительно, уже при первом знакомстве с обитателями Степанчиково племянник Ростанева Сергей понимает, что «дядю в его же доме считали ровно ни во что» (III, 47). Можно предположить, что этот парадокс как раз и объясняется манипуляциями, которыми в совершенстве овладел Фома. Характеристика дяди как «слабого сердца», то есть характера, склонного к зависимости, открывает само повествование: «Трудно было себе представить человека смиреннее и на все согласнее. Если б его вздумали попросить посерьезнее довести кого-нибудь версты две на своих плечах, то он, может быть, и довел: он был так добр, что в иной раз готов был решительно все отдать по первому спросу и поделиться чуть ли не последней рубашкой с первым желающим» (III, 5).

Пользуясь добротой и мягкостью дяди, Фома заставляет его поверить в свое ничтожество, отыскав в себе множество пороков. Настойчиво

повторяемое в отношении дяди словосочетание «мрачный эгоист» вносит яркий комический эффект, потому что ни то ни другое абсолютно не соответствует действительности. Ростанев заботится о своей «маменьке», несмотря на все ее тиранство, мужественно выносит нападки девицы Перепелицыной и содержит целый «штаб» маменькиных «приживалок, мосек, шпицев, китайских кошек и проч.» (III, 6). Даже находясь под властью Фомы и в психологической зависимости от него, он сохраняет позитивное отношение к жизни, поэтому ни эгоистом, ни мрачным его назвать никак нельзя. Словосочетание «мрачный эгоист» в отношении дяди, усиливающее характеристику, несколько не соответствующую его облику, в тексте встречается четыре раза, а всего слова «эгоист», «эгоизм» и его производные («эгоистическая черта», «эгоистическая недоверчивость») звучат в адрес дяди из уст генеральши, девицы Перепелицыной, Фомы или его самого, когда он с этим определением соглашается, двадцать два раза: «Сорок лет прожил и до сих пор, до самой той поры, как тебя узнал, все думал про себя, что человек... ну и все там, как следует. А ведь и не замечал до сих пор, что грешен как козел, эгоист первой руки и наделал зла такую кучу, что диво, как еще земля держит!» (III, 17); «Вы эгоист и даже мрачный эгоист... / Эгоист-то я эгоист, правда, Фома, и это вижу; с тех пор как тебя узнал, так и это узнал» (III, 89); «...все это от испорченности моей природы, оттого, что я мрачный и сластолюбивый эгоист и без удержу отдаюсь страстям моим. Так и Фома говорит» (III, 160) и т. д. Убедившись в том, что он «мрачный эгоист», дядя постоянно испытывает чувство вины, опять же насаждаемое и сознательно культивируемое Фомой: «Оно, конечно, я виноват. Я, братец, еще не знаю, чем я именно провинился, но уж, конечно, я виноват» (III, 11); «Я, братец, сам виноват, – говорит он, бывало, кому-нибудь из своих собеседников, – во всем виноват <...> он меня, напротив, одолжает тем, что живет у меня, а не я его!» (III, 14–15); «Я, может быть, и виноват перед тобою и даже, может быть, очень виноват» (III, 36); «О, как я виноват пред всеми! Я и перед тобой виноват...» (III, 160).

Чувство вины перед группой, перед «учителем» является обязательным для члена секты, и лидер группы специально культивирует его. Чем больше человек чувствует себя «ничтожным» и

¹ Шевцова М. Опискин и Остромов: образ обыкновенного мошенника // Smart Power Journal – общественное онлайн-издание о политике и культуре. URL: <https://smartpowerjournal.ru/100116/> (дата обращения: 05.04.2024).

² Там же.

«виноватым», тем больше поручений ему может дать «гуру», чтобы он, как бы «в наказание» и чтобы загладить свою «вину», их выполнил. «Членам секты приходится жить в узком коридоре страха, вины и стыда, – отмечает современный исследователь проблемы культов С. Хассен. – Все проблемы объявляются результатом ошибок члена группы. <...> Член секты постоянно ощущает вину за несоответствие неким стандартам. Он верит, что грех “охотится” за ним» [31, с. 127–128]. Фоме удастся убедить дядю в том, что тот «мрачный эгоист», «подлец» («я подлец перед тобой, Фома» (III, 84)). Дядя, взрослый, сорокалетний мужчина, имеющий воинское звание и боевой опыт, владелец поместья, радуется как ребенок тому, что его «простили» маменька и приживальщик: «...Во-первых, меня простили, совершенно простили, с разными условиями, конечно, но уж я теперь почти совсем ничего не боюсь. Сашурку тоже простили. <...> Тебя тоже простили, и даже, знаешь как? Можешь делать все, что тебе угодно, ходить по всем комнатам и в саду, и даже при гостях, – словом, все, что угодно; но только под одним условием, что ты ничего не будешь завтра сам говорить при маменьке и при Фоме Фомиче <...>, то есть решительно ни полслова, – я уж обещался за тебя, – а только будешь слушать, что старшие... то есть я хотел сказать, что другие будут говорить» (III, 106). Оговорка «старшие» очень показательна: именно так дядя и воспринимает Фому, но спохватывается, что тут уж очень зарпортовался и перед племянником показался в униженном положении, поэтому поправляется: «другие». Запрет на разговоры в присутствии «гуру» тоже является культовым признаком: племяннику запрещено говорить, так как он еще «непосвященный» и не знает «ритуала».

Для формирования зависимости от группы в сектах часто устанавливаются требования, регламентирующие внешность, одежду, например обязательное ношение бороды или, напротив, обязательное бритье бороды, запрет на ношение одежды тех или иных цветов (цветного или, наоборот, черного)¹. Этим способом манипуляции

¹ Так, в запрещенной в настоящее время на территории РФ секте «Алля Аят» мужчинам нельзя носить усы, бороду, женщинам – отращивать ногти, так как это все «напоминает животных», запрещена одежда черного цвета. См., напр.: Сальников А. Пророк умер, но дело его живет – уголовное // Новая Сибирь, 31.07.2022. URL: Пророк умер, но дело его

уже полтора столетия назад владел и Фома Опискин, заставивший дядю сбрить бакенбарды. Все эти этапы подготовили Ростанева к тому, чтобы окончательно подчиниться Фоме, назвав его «Ваше превосходительство», то есть удостоив генеральским чином. Такая «ломка» личности – типичное явление для формирования культовой аддикции: адепт должен сделать что-то, чего никогда не сделал бы в «привычной», «обычной» жизни, и чаще это бывает постыдный, унижительный поступок².

Современные исследователи феномена сектантства сходятся в том, что «необходимым» этапом вовлечения в культ является *отказ от прошлого*: «человек должен признать сплошной ошибкой все, что было до того, как он попал в секту. Все, что он считал белым, на самом деле было черным, все, что он считал хорошим, на самом деле плохое. Он неотвратно шел к гибели, и никакой надежды на спасение не было. Люди, которые его любили, на самом деле желали ему только зла. Его друзья – это на самом деле его враги»³; цель лидера секты внушить человеку, что все его прошлое – «беспросветный мрак»⁴. Очевидно, что, когда такая цель лидером достигнута, человек становится более уязвимым и внушаемым. «Для того, чтобы подготовить личность к радикальным переменам, ее нужно сперва основательно перетрясти, – замечает американский исследователь культов С. Хассен. – <...> Опрокидывание привычного взгляда на реальность разрушает естественные защитные механизмы человека против концепций, которые бросают вызов этой реальности» [31 с. 106]. Фома как раз и занимается такой «перетряской» и «опрокидыванием привычного взгляда» Ростанева, интуитивно улавливая эти механизмы управления человеком, задолго до появления «сектоведения» как отдельной области знания: «Прежде кто вы были? – говорит, например, вечером Фома, развалившись после сытного обеда в

живет – уголовное – Новая Сибирь (newsib.net) (дата обращения: 05.04.2024); Новосибирские полицейские задержали сектантов из Казахстана. Религиозная группировка проработала почти 22 года // Вести. Новосибирск. URL: Новосибирские полицейские задержали сектантов из Казахстана – Вести (nskvtv.ru) (дата обращения: 05.04.2024) и др.

² См., напр.: Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты: учеб. пособие: в 2 кн. 4 изд., дополн. и перераб. М.: Изд-во ПСТГУ, 2024. Кн. II. С. 390–391.

³ Там же. Кн. I. С. 120.

⁴ Там же. Кн. I. С. 121.

покойном кресле, причем слуга, стоя за креслом, должен был отмахивать от него свежей липовой веткой мух. – На кого похожи вы были до меня? А теперь я заронил в вас искру небесного огня или нет? Отвечайте: заронил я в вас искру или нет?» (III, 16). Именно поэтому Фома так обеспокоен приездом Сергея и ожиданием Коровкина: возобновление дядей старых связей и привязанностей может ослабить его, Фому, влияние.

Отказ дяди от прежних ценностей еще в начале романа проиллюстрирован его готовностью отдать Фоме деревню Капитоновку, куда с покойной женой «все по вечерам гулять ездили» (III, 34). Этот эпизод показывает не столько расточительность полковника, сколько обесценивание им того, что ему было дорого ранее. Капитоновка не просто собственность, а память о жене, и этой памятью Ростанев пренебрегает. Желание дяди (как будто бы добровольное, но на самом деле сформированное благодаря целому ряду манипуляций Фомы) отдать приживальщику деревню уже является интуитивно угаданным Достоевским предвестием многочисленных современных случаев отчуждения недвижимости в пользу лидера секты.

В настоящее время учеными установлены и иные типичные для сектантских лидеров приемы психологического воздействия на жертву («криминальное манипулирование»), среди которых частым является «присвоение» себе титулов, мнимых офицерских званий, документов, наград и т. д. С другой стороны, для «эффекта воздействия» широко используются распространенные суеверия и предрассудки: вера в магию, в колдовство, и, пользуясь этим, лидеры культов стремятся убедить не только своих последователей, но и широкий круг лиц в наличии у них каких-либо сверхъестественных даров: прозорливости, способности исцелять и т. д. [см. об этом, напр.: 9, с. 116–126]. Притом такие способы часто сочетаются: лидер культа может называть себя одновременно и выдающимся ученым, и лицом, наделенным сверхспособностями, видимо, считая, что «кашу маслом не испортишь». Достоевский, как можно заметить, «предсказывает» и этот прием воздействия еще в середине позапрошлого века: Фому одновременно считают и крупным ученым, который готовит «глубокомысленнейшее сочинение» (III, 13), и вместе с тем великим молитвенником и «прорицателем». В этом, как представляется, и заключается

один из элементов карнавализации, на которую указывал М. М. Бахтин. Фома Фомич, «карнавальный король» (по Бахтину), превращается в деспота; жизнь в секте, как в карнавализованном мире, – это и есть «жизнь, вышедшая из своей нормальной колеи, почти мир наизнанку» [23, с. 246]. Это наблюдение Бахтина, на наш взгляд, применимо к характеристике культа и культового лидера в целом, иллюстрируя весь абсурд построения сектантского сообщества и «взаимоотношений» внутри него: ничтожность личности «гуру» как «голового короля», при этом образ карнавального короля легко «накладывается» на образ «харизматического лидера», а его почитание, абсолютизация его власти и выполнение абсурдных приказаний – это и есть «жизнь наизнанку».

Примечательно, что счастливая семейная жизнь тоже не спасает дядю от культовой зависимости. Женившись на Настеньке, Ростанев не перестал считать себя «мрачным эгоистом» (III, 160). Более того, культ Фомы сохраняется в Степанчикове и после его смерти: дядя и Настенька ходят на его могилу «благоговейно <...> поклониться (курсив мой. – Т. К.) Фоме. Они и теперь не могут говорить о нем без особого чувства; припоминают каждое его слово, что он ел, что любил» (III, 165), культовым почитанием окружены и материальные предметы, к которым он прикасался: «вещи его сберегаются как драгоценность» (III, 165). И здесь можно сделать печальный вывод о том, что даже счастливая семейная жизнь не является «гарантом» свободы от культовой зависимости. Поэтому едва ли можно говорить об абсолютно счастливом конце «Села Степанчикова...», и вряд ли можно согласиться с А. Б. Криницыным, видящим в финале произведения «подобие райской гармонии» [32, с. 46]. (курсив авт. – Т. К.). Не может быть «райской гармонии» там, где все еще царит лжепророк-приживальщик. Неспроста в конце повести указывается на власть Фомы, не ограниченную временными пределами: «воцарился в этом доме навеки» (III, 158). Здесь уже предчувствуется известная мысль Д. С. Мережковского: «воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть черт» [33, с. 25].

Заключение

Итак, образ «харизматического лидера» Фомы Опискина показывает, насколько разрушительно как для самой личности, так и для окружающих

стремление к власти: идея власти «в чистом виде», власти самой по себе (даже безотносительно богатства и / или иных благ) создает разрушительные отношения зависимости и превращает вполне благополучное семейство в тоталитарную секту. Рассмотрев тему культа и культовой аддикции (зависимости) в «Селе Степанчикове...», можно прийти к выводу о сделанном Достоевским антропологическом открытии – жертвой секты и сектантского лидера может стать кто угодно: ни богатство, ни бедность, ни счастье, ни несчастье, ни наличие или отсутствие семьи не могут от этого предостеречь. В «Селе Степанчи-

кове...» в точности «предсказаны» приемы манипулирования, используемые в сектах для формирования психологической зависимости от лидера: отказ от прошлого, воздействие на религиозные чувства, внушение чувства вины, регламентация внешнего вида.

Таким образом, междисциплинарный подход к изучению творческого наследия писателя помогает понять его антропологические открытия, в частности новое знание о природе власти, культовой зависимости и манипулировании религиозным чувством.

1. Кони А. Ф. Федор Михайлович Достоевский // Собр. соч. : в 8 т. М. : Юридическая наука, 1968. Т. VI. С. 406–427.
2. Гольдинер В. Д. Проблема правосудия в творчестве Ф. М. Достоевского (К 140-летию со дня рождения) // Советская юстиция. М., 1961. № 22. С. 16–18.
3. Голяков И. Т. Суд и законность в художественной литературе. М. : Государственное изд-во юридической литературы, 1959. 360 с.
4. Чиж В. Ф. Достоевский как психопатолог. М. : Унив. тип., 1885. 123 с.
5. Амещенский Д. А. Психиатрический анализ Николая Ставрогина // Современная психиатрия. 1915. № 1. С. 28–41.
6. Богданов Н. Н. Вокруг Достоевского. Поиски, находки, размышления. СПб. : Серебряный век, 2019. 170 с.
7. Ефремов В. С. Самоубийство в художественном мире Достоевского. СПб.: Диалект, 2008. 584 с.
8. Карпачева Т. С. Открытия Ф. М. Достоевского в области сектоведения // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2021. № 4. С. 122–133. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47698424> (дата обращения: 05.04.2024).
9. Кроз М. В., Рагинова Н. А., Онищенко О. Р. Криминальное психологическое воздействие. М. : Юрлитинформ, 2008. 200 с.
10. Онищенко О. Р., Фокин М. С. Отдельные аспекты психического насилия в религиозных объединениях, посягающих на личные права граждан // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2011. № 2 (27). С. 148–151. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-aspekty-psihicheskogo-nasiliya-v-religioznyh-obedineniyah-posyagayuschih-na-lichnye-prava-grazhdan> (дата обращения: 05.04.2024).
11. Старков О. В., Башкатов Л. Д. Проблема понятия, классификации и показатели религиозных преступлений // Российский следователь. 2001. № 1. С. 28–33.
12. Розенко С. В. Криминальное сектанство: проблемы криминализации и наказуемости // Вестник Пермского университета. 2011. № 4 (14). С. 180–185. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalnoe-sektantstvo-problemy-kriminalizatsii-i-nakazuemosti> (дата обращения: 05.04.2024).
13. Кондратьев Ф. В. Проблема религиозных культовых новообразований («сект») в психолого-психиатрическом аспекте : аналитический обзор. М. : Изд-во ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, 2000. 100 с.
14. Кондратьев Ф. В. Психиатрический аспект в анализе последствий деятельности современных культовых новообразований // Российский психиатрический журнал. 1997. № 2. С. 25–29. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36056006> (дата обращения: 05.04.2024).
15. Воат А. А. Псевдохристианский деструктивный молодежный культ «Хиллсонг» // Молодежная политика: история, теория, практика: сб. материалов III Межвуз. научно-практ. конференции. М. : РГУФКСМиТ, 2019. С. 7–11. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=prhje> (дата обращения: 05.04.2024).
16. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии). Петроград : ОПОЯЗ, 1921. 48 с.
17. Альтман М. С. Из арсенала имен и прототипов литературных героев Достоевского // Достоевский и его время. Л. : Наука, 1971. С. 196–216.
18. Лотман Л. М. «Село Степанчиково» Достоевского в контексте литературы второй половины XIX в. // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1987. Т. 7. С. 152–165.
19. Нестюричева Н. А. Реминисцентное измерение повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2013. № 4. С. 25–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reminiscentnoe-izmerenie-povesti-f-m-dostoevskogo-selo-stepanchikovo-i-ego-obitateli> (дата обращения: 05.04.2024).
20. Кибальник С. А. Философский интертекст творчества Достоевского. СПб. : ИД «Петрополис», 2021. 364 с.

21. Виноградов В. В. Этюды о стиле Гоголя // Поэтика русской литературы. Избранные труды. М. : Наука, 1976. С. 228–366.
22. Захаров В. Н. Провинциальная хроника // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : канонические тексты. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1997. Т. III. С. 744–753.
23. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. СПб. : Азбука, 2017. 416 с.
24. Алексеев М. П. О драматических опытах Достоевского. Одесса, 1921. 22 с.
25. Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М. : Республика, 1995, 607 с.
26. Чулков Г. И. Как работал Достоевский. М. : Сов. писатель, 1939. 339 с.
27. Гроссман Л. П. Достоевский. М. : Молодая гвардия. Изд. 2, испр. и доп., 1965. 608 с. (Жизнь замечательных людей. Вып. 4 (357)).
28. Кирпотин В. Я. Ф. М. Достоевский. Творческий путь (1821–1859). М. : ГИХЛ, 1960. 607 с.
29. Трофимов Е. А. «Село Степанчиково и его обитатели»: повесть о «лжепророке» // Достоевский и мировая культура, СПб. : Серебряный век, 2000. № 15. С. 22–41.
30. Постникова Е. Г. Феномен «харизмы власти» в повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2016. Т. 1 (1). С. 123–138. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-harizmy-vlasti-v-povesti-f-m-dostoevskogo-selo-stepanchikovo-i-ego-obitateli> (дата обращения: 05.04.2024).
31. Хассен С. Противостояние сектам и контролю над сознанием. М. : АСТ, 2006. 317 с.
32. Криницын А. Б. О счастье и радости в мире Достоевского. М. : ЯСК, 2022. 328 с.
33. Мережковский Д. С. Грядущий Хам // Собр. соч. Грядущий Хам. М. : Республика, 2004. С. 4–152.

Статья поступила в редакцию 10.04.2024 г.; одобрена после рецензирования 07.05.2024 г.; принята к публикации 10.06.2024 г.

Об авторе

Карпачева Татьяна Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент Департамента филологии Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет (129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1), Karpachevats@mgpu.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Koni A. F. Fedor Mikhailovich Dostoevskii [Fedor Mikhailovich Dostoevsky]. *Sobr. soch. : v 8 t.* = Collected works: in 8 vols. M., Legal science Publ., 1968, vol. VI, pp. 406–427. (In Russ.).
2. Goldiner V. D. Problema pravosudiya v tvorchestve F. M. Dostoevskogo (K 140-letiyu so dnya rozhdeniya) [The problem of justice in the works of F. M. Dostoevsky (To the 140th anniversary of his birth)]. *Sovetskaya yustitsiya* = Soviet Justice, M., 1961, no. 22, pp. 16–18. (In Russ.).
3. Golyakov I. T. Sud i zakonnost' v khudozhestvennoi literature [Court and legality in fiction]. M., State Publishing House of Legal Literature, 1959, 360 p. (In Russ.).
4. Chizh V. F. Dostoevskii kak psikhopatolog [Dostoevsky as a psychopathologist]. M., University Printing House, 1885, 123 p. (In Russ.).
5. Amenitskiy D. A. Psikhiatricheskii analiz Nikolaya Stavrogina [Psychiatric analysis of Nikolai Stavrogin]. *Sovremennaya psikhiatriya* = Modern Psychiatry, 1915, no. 1, pp. 28–41. (In Russ.).
6. Bogdanov N. N. Vokrug Dostoevskogo. Poiski, nakhodki, razmyshleniya [Around Dostoevsky. Searches, finds, reflections]. SPb., The Silver Age Publ., 2019, 170 p. (In Russ.).
7. Efremov V. S. Samoubiistvo v khudozhestvennom mire Dostoevskogo [Suicide in Dostoevsky's artistic world]. SPb., Dialect Publ., 2008, 584 p. (In Russ.).
8. Karpacheva T. S. Otkrytiya F. M. Dostoevskogo v oblasti sektovedeniya [Dostoevsky's discoveries in the field of sectarian studies]. *Vestnik Gosudarstvennogo humanitarno-tekhnologicheskogo universiteta* = Vestnik of State University of Humanities and Technology, 2021, no. 4, pp. 122–133. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47698424> (accessed 05.04.2024). (In Russ.).
9. Kroz M. V., Ratnova N. A., Onishchenko O. R. Kriminal'noe psikhologicheskoe vozdeistvie [Criminal psychological impact]. M., Yurlitinform Publ., 2008, 200 p. (In Russ.).
10. Onishchenko O. R., Fokin M. S. Otdel'nye aspekty psikhicheskogo nasiliya v religioznykh ob"edineniyakh, posyagayushchikh na lichnye prava grazhdan [Certain aspects of mental abuse in religious associations, encroaching on the personal rights of citizens]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo* = Herald of Omsk University. Series "Law", 2011, no. 2 (27), pp. 148–151. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-aspekty-psihicheskogo-nasiliya-v-religioznykh-obedineniyah-posyagayushchih-na-lichnye-prava-grazhdan> (accessed 05.04.2024). (In Russ.).

11. Starkov O. V., Bashkatov L. D. Problema ponyatiya, klassifikatsii i pokazateli religioznykh prestuplenii [The problem of the concept, classification and indicators of religious crimes]. *Rossiiskii sledovatel'* = Russian Investigator, 2001, no. 1, pp. 28–33. (In Russ.).
12. Rozenko S. V. Kriminal'noe sektantstvo: problemy kriminalizatsii i nakazuemosti [Criminal sectarianism: criminalization and punishability problems]. *Vestnik Permskogo universiteta* = Perm University Herald. Juridical Sciences, 2011, no. 4 (14), pp. 180–185. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalnoe-sektantstvo-problemy-kriminalizatsii-i-nakazuemosti> (accessed 05.04.2024). (In Russ.).
13. Kondratyev F. V. Problema religioznykh kul'tovykh novoobrazovaniy ("sekt") v psikhologo-psikhiatricheskom aspekte: analiticheskii obzor [The problem of religious cult formations ("sects") in the psychological and psychiatric aspect: analytical review]. M., Publ. house of SRC for SFP named after V. P. Serbsky, 2000, 100 p. (In Russ.).
14. Kondratyev F. V. Psikhiatricheskii aspekt v analize posledstviy deyatelnosti sovremennykh kul'tovykh novoobrazovaniy [Psychiatric aspect in the analysis of the consequences of the activities of modern cult neoplasms]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal* = Russian Psychiatric Journal, 1997, no. 2, pp. 25–29. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=360560064> (accessed 05.04.2024). (In Russ.).
15. Voat A. A. Psevdoekhristianskii destruktivnyi molodezhnyi kul't "Khillsong" [Pseudo-Christian destructive youth cult "Hillsong"]. *Molodezhnaya politika: istoriya, teoriya, praktika: sb. materialov III Mezhevuz. nauchno-prakt. Konferentsii* = Youth policy: history, theory, practice: collection of materials of the III Interuniversity scientific and practical conferences. M., RGUFKSMiIT Publ., 2019, pp. 7–11. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=prohje> (accessed 05.04.2024). (In Russ.).
16. Tynyanov Yu. N. Dostoevskii i Gogol' (k teorii parodii) [Dostoevsky and Gogol (towards the theory of parody)]. Petrograd, OPOYaZ Publ., 1921, 48 p. (In Russ.).
17. Altman M. S. Iz arsenalnaya imen i prototipov literaturnykh geroev Dostoevskogo [From the arsenal of names and prototypes of Dostoevsky's literary heroes]. *Dostoevskii i ego vremena* = Dostoevsky and his time, L., Science Publ., 1971, pp. 196–216. (In Russ.).
18. Lotman L. M. "Selo Stepanchikovo" Dostoevskogo v kontekste literatury vtoroi poloviny XIX v. ["The village of Stepanchikovo" by Dostoevsky in the context of literature of the second half of the 19th century]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniya* = Dostoevsky. Materials and Research. L., 1987, vol. 7, pp. 152–165. (In Russ.).
19. Nestyuricheva N. A. Reministsentnoe izmerenie povesti F. M. Dostoevskogo "Selo Stepanchikovo i ego obitateli" [Reminiscence measurement of Dostoevsky's novel "The village Stepanchikovo and its inhabitants"]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* = Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series, 2013, no. 4, pp. 25–32. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/reministsentnoe-izmerenie-povesti-f-m-dostoevskogo-selo-stepanchikovo-i-ego-obitateli> (accessed 05.04.2024). (In Russ.).
20. Kibalnik S. A. Filosofskii intertekst tvorchestva Dostoevskogo. [Philosophical intertext of Dostoevsky's work]. SPb., Publ. house "Petropolis", 2021, 364 p. (In Russ.).
21. Vinogradov V. V. Etyudy o stile Gogolya [Sketches about Gogol's style]. *Poetika russkoi literatury. Izbrannye trudy* = The poetics of Russian literature. Selected works, M., Science Publ., 1976, pp. 228–366. (In Russ.).
22. Zakharov V. N. Provintsial'naya khronika [Provincial chronicle]. *Dostoevskii F. M. Poln. sobr. soch.: kanonicheskie teksty* = Dostoevsky F. M. Complete collection of works: canonical texts, Petrozavodsk, PetrGu Publ., 1997, vol. III, pp. 744–753. (In Russ.).
23. Bakhtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. SPb., Azbuka Publ., 2017, 416 p. (In Russ.).
24. Alekseev M. P. O dramaticheskikh opytakh Dostoevskogo [About Dostoevsky's dramatic experiments]. Odessa, 1921, 22 p. (In Russ.).
25. Mochulskii K. V. Gogol'. Solov'ev. Dostoevskii [Gogol. Solovyev. Dostoevsky]. M., Republic Publ., 1995, 607 p. (In Russ.).
26. Chulkov G. I. Kak rabotal Dostoevskii. [How Dostoevsky worked]. M., Soviet writer Publ., 1939, 339 p. (In Russ.).
27. Grossman L. P. Dostoevskii. [Dostoevsky]. 2nd edit., rev. and exp., M., Molodaya gvardiya Publ., 1965, 608 p. (Live of wonderful people. Issue 4 (357)). (In Russ.).
28. Kirpotin V. Ya. F. M. Dostoevskii. Tvorcheskii put' (1821–1859) [F. M. Dostoevsky. Creative path (1821–1859)]. M., GIHL Publ., 1960, 607 p. (In Russ.).
29. Trofimov E. A. "Selo Stepanchikovo i ego obitateli": povest' o «lzheproroke» ["The village of Stepanchikovo and its inhabitants" the story of the "false prophet"]. *Dostoevskii i mirovaya kul'tura* = Dostoevsky and World Culture, SPb., The Silver Age Publ., 2000, no. 15, pp. 22–41. (In Russ.).
30. Postnikova E. G. Fenomen «kharizmy vlasti» v povesti F. M. Dostoevskogo "Selo Stepanchikovo i ego obitateli" [The phenomenon of "charisma of power" in F. M. Dostoevsky's short novel "The village of Stepanchikovo and its inhabitants"]. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy* = Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies, 2016, vol. 1 (1), pp. 123–138. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-kharizmy-vlasti-v-povesti-f-m-dostoevskogo-selo-stepanchikovo-i-ego-obitateli> (accessed 05.04.2024). (In Russ.).
31. Khassen S. Protivostoyanie sektam i kontrolyu nad soznaniem [Opposition to cults and mind control]. M., AST Publ., 2006, 317 p. (In Russ.).

32. Krinitsyn A. B. O schast'e i radosti v mire Dostoevskogo [On happiness and joy in Dostoevsky's world]. M., YaSK Publ., 2022, 328 p. (In Russ.).

33. Merezhkovskiy D. S. Gryadushchii Kham [The Coming Boor]. *Sobr. soch. Gryadushchii Kham* = Collected works "The Coming Boor". M., Republic Publ., 2004, pp. 4–152. (In Russ.).

The article was submitted 10.04.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 11.06.2024.

About the author

Tatyana S. Karpacheva

Ph. D. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philology, Institute of Humanities, Moscow City University (4 Vtoroy Selskohoziaystvenny proezd, Moscow 129226, Russian Federation), *Karpachevats@mgpu.ru*

The author has read and approved the final manuscript.